

КРАХ ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ — ДИСКУССИЯ О ПРИЧИНАХ И МЕХАНИЗМАХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ¹

Алексей Ильич Миллер

Профессор ЕУ СПб, научный руководитель
Центра изучения культурной памяти и символической политики.
E-mail: amiller@eu.spb.ru

THE COLLAPSE OF THE ROMANOV EMPIRE — THE DISCUSSION OF CAUSES AND MECHANISMS CONTINUES

Alexei I. Miller

Professor EU SPb, scientific Director
of the Center for the study of cultural memory and symbolic policy.
E-mail: amiller@eu.spb.ru

В статье анализируются концепции и нарративы, объясняющие причины и механизмы распада Российской империи.

The article analyses concepts and narratives which explain the causes and mechanisms of the collapse of the Russian Empire.

Ключевые слова: история Российской империи, Первая мировая война, коллапс империи, деколонизация.

Keywords: the Russian Empire, the First World War, the collapse of the Empire, decolonization.

Существует множество созданных политиками и историками нарративов о крушении империи Романовых. В первоначальном виде история, представленная победителями (большевиками), подчеркивала как роль национальных движений против «тюрьмы народов», так и пролетарскую борьбу против «самого слабого звена» империализма. Позднее «Краткий курс истории Коммунистической партии», лично отредактированный Сталиным в 1930-х гг., обесценил роль национальных движений в пользу классовой борьбы, в то время как посткоммунистическая национальная историография позже сделала в точности наоборот (Brandenberger, Zelenov, 2014: 859–880). Либеральные историки, в том

¹ Эта статья была написана при поддержке гранта Российского научного фонда 17-18-01589. Без обсуждения с Альфредом Рибером она не могла бы появиться. Я безмерно благодарен ему за критику и советы.

числе русские историки-эмигранты, подчеркивали недемократичность политического режима и социально-экономическую отсталость империи, которая препятствовала перспективному решению национальных и социальных проблем¹. Долгое время Первая мировая война рассматривалась как последний элемент, необходимый для создания благоприятных условий победы «освободительных сил» — национальных, или, в советском нарративе, — социалистических.

В последнее время во все большем количестве исследований о Первой мировой войне этот военный конфликт ставится в центр истории крушения империи. Показывается, как многочисленные факторы, обусловленные военной обстановкой, подрывали империю и усилили этнические и социальные антиимперские движения².

Концепции, ядром которых становится многовековая геокультурная борьба империй за евразийские окраины, также связаны с историей войны, хотя и не ограничиваются ею (Rieber, 2014). Другое объяснение ставит вопрос о важности взаимодействия империй для достижения стабильности, а затем и о разрушении макросистемы смежных империй в Европе (Miller, 2007: 11-30). Тем не менее, несмотря на значительный прогресс, достигнутый историками в последние годы в анализе крушения Российской империи, исчерпывающий нарратив о конце империи еще не написан.

Одним из лучших отправных пунктов для начала чтения материалов о крушении Российской империи является направленный царю Николаю II меморандум, который был написан в феврале 1914 г. консервативным политиком Петром Дурново, бывшем министром внутренних дел в драматические 1905–1906 гг. (Дурново, 2014). Дурново настаивал на том, чтобы Россия оставалась в стороне от неминуемой европейской войны, потому что участие в ней приведет к развалу империи. Практически все его предупреждения подтвердились, хотя самому ему повезло умереть осенью 1915 г. и увидеть только начало предсказанного кошмарного сценария. Дурново подробно рассматривал многочисленные угрозы, с которыми Россия столкнется во внешней и внутренней политике, если примет участие в войне на стороне Антанты.

Относительно национальных вопросов Дурново упоминал о возможности польского восстания, а также финского мятежа в том случае, если Швеция вступит в войну против России; о вероятных волнениях мусульман на Кавказе и в Туркестане из-за османской пропаганды. Показательны два момента в его обзоре национальной политики. Во-первых, Дурново приписывал основные проблемы

¹ Эта статья была написана при поддержке гранта Российского научного фонда 17-18-01589. Без обсуждения с Альфредом Рибером она не могла бы появиться. Я безмерно благодарен ему за критику и советы.

² См., например: Миллюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921–1924, вып. 1–3; он же: Национальный вопрос. Берлин, 1925; Mikhael T. Florinskii. The End of the Russian Empire. New Haven, CT: Yale University Press, 1931.

в этой области возможным влияниям из-за рубежа со стороны враждебных сил. Во-вторых, в достаточно пространный меморандум он посвятил только один абзац обсуждению национальных вопросов. Он подчеркивал, что в целом национальный сепаратизм можно контролировать без особых проблем¹.

В оценке Дурново, смертельная опасность будет исходить от социалистической революции. Он предсказывал, что в столкновении России и Германии проигравшая сторона станет жертвой социального краха, но и победившая сторона также вскоре неизбежно пострадает от социалистической революции по причине очень тесной взаимосвязи империй. Дурново оказался прав: в 1917 г. в России произошла социалистическая революция, а в 1918 г. Германия последовала ее примеру.

Среди историков общепризнанно, что период 1905–1914 гг. являлся временем роста периферийного национализма. Однако есть много причин полагать, что недооценка опасности периферийного национализма не была слепым пятном анализа Дурново, вполне пророческого в других отношениях. В контексте революции 1905–1906 гг. национальные движения действительно усилились и выдвинули более радикальные требования. Но, с консервативной точки зрения, в России произошла «идеальная революция», которая многое изменила, привела к свободе политических объединений и профсоюзов, свободе прессы и политических собраний, а также к созданию общеимперского политического представительства — Государственной Думы, — но не разрушила монархию и старые государственные структуры. Революционный хаос закончился к концу 1906 г. Империя показала, что способна сдерживать периферийный национализм даже в условиях революционного кризиса.

Период между 1906 и 1914 гг. стал временем возможностей: у монархии появился шанс научиться жить с парламентом, у парламента — шанс научиться сотрудничать с правительством; правительство могло провести некоторые далеко идущие реформы, а политически активная часть общества могла самоорганизоваться.

Однако не все стороны были готовы к решению такой задачи. Николай II так и не научился быть конституционным монархом. Либеральная оппозиция так и не научилась сотрудничать с правительством и отклонила несколько приглашений войти в кабинет Петра Столыпина. Революционные партии активно использовали политический террор. Империя действительно находилась в кризисе. Однако неправильно утверждать, что фатальный исход был предрешен. Столыпину удалось провести успешную реформу крестьянской общины и начать грандиоз-

¹ Питер Холквист был одним из пионеров этого направления, в настоящее время наиболее активно его развивает Джошуа Санборн. См.: *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002; *Sanborn J. Imperial Apocalypse: the Great War and the destruction of the Russian Empire.* Oxford: Oxford University Press, 2014.

ную кампанию землеустройства и сельскохозяйственной миграции через Урал, в которой приняло участие более трех миллионов крестьян. Политическая цель реформы крестьянской общины состояла в том, чтобы создать политически консервативный и экономически продуктивный слой фермеров. Цель не была полностью достигнута, но система работала. К 1914 г. крестьяне имели под контролем (в собственности или аренде) почти 90% пахотных земель. Деревня не была настроена столь единодушно радикально против правительства, как в 1905 г. Число крестьянских восстаний неуклонно сокращалось, и в 1913 г. волнений не было вообще.

Однако число забастовок в промышленности, напротив, резко возросло в период с 1911 по 1913 гг., достигнув двух тысяч в 1912 г., причем требования примерно половины забастовок были политическими. Каждый третий рабочий в России участвовал в забастовках в 1912 и 1913 гг. Тем не менее социал-демократы были раздроблены, а В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий боролись больше друг с другом, чем с правительством. Россия находилась накануне промышленного бума; многие талантливые инженеры начинали свою карьеру, и условия труда не могли не улучшаться.

Традиционная оценка динамики национализма, подчеркивающая рост периферийных националистических партий, до некоторой степени вводит в заблуждение. После революции 1905–1906 гг. вплоть до 1914 г. активность периферийных националистических движений снижалась. Например, в 1906 г. в каждом крупном украинском городе имелась своя украинская газета, но к 1908 г. благодаря субсидии богатого землевладельца выжила только киевская «Рада» с двумя тысячами подписчиков. Никакое национальное движение, за исключением Польши, не разрабатывало «стратегии выхода». Фактически большинство из этих движений нуждались в поддержке или защите империи. Освободительные движения латышей и эстонцев, пользовавшиеся осторожной поддержкой Санкт-Петербурга, бросили вызов балтийским немцам. Финны были недовольны попытками ограничить их автономию, но не хотели рисковать на самом деле очень удобным положением (усвоив урок польских восстаний и их тяжелых последствий). Сами поляки теперь критически относились к восстаниям и сделали выбор в пользу того, что получило название «органическая работа». Поляки разошлись во мнении относительно иерархии собственных врагов; Роман Дмовский утверждал, что союз с Российской империей важен для противодействия неизбежной опасности германизации. Грузины и армяне на Кавказе всегда больше боялись турок, чем злились на русских. Азербайджанские интеллектуалы делали лишь первые шаги в формировании новой национальной идентичности в весьма космополитичном нефтяном Баку. Мусульманский активизм в России рос, но попытки сформировать общий мусульманский фронт в империи были далеки от успеха.

В то же время русские националистические организации на западных окраинах укреплялись и победили на местных выборах в таких крупных городах, как Киев и Одесса. В Волыни, самой западной губернии империи, православным священникам удалось мобилизовать в «Союз русских людей» более 100 тысяч крестьян-малороссов, ненавидевших польских помещиков и евреев. Членами русских националистических организаций на западных окраинах были в основном местные жители, которые идентифицировали себя как малороссы или белорусы в значении принадлежности к русской нации вместе с великороссами¹.

Первая мировая война и ее последствия для стабильности империи

Политическая интеграция империи, достижения в российском нациестроительстве на основе его расширяющегося ядра², а также экономический и военный потенциал империи были подвергнуты серьезным испытаниям во время великой войны. Империя Романовых вступила в конфликт как «нация во всеоружии» с массовым призывом и мобилизацией резервистов. На ранних этапах долгой войны патриотический подъем оставался высоким, и русские националистические мотивы преобладали наряду с традиционным крестьянским монархизмом³.

Самое начало войны спровоцировало сплоченность по этнической принадлежности. Война также всколыхнула надежды и фантазии активистов периферийного национализма. Этой тенденции также способствовали обещания великих держав, данные определенным периферийным группам в первые дни кампании. При всеобщей мобилизации власти рассматривали принадлежность к определенной этнической группе как важный фактор преданности или измены, что многим довелось с самого начала болезненно испытать на себе. Евреи и немцы немедленно подверглись высылке и другой дискриминации со стороны военного командования и военной администрации (Lohr, 2001: 404–419). Немецкая собственность была конфискована практически сразу после начала войны⁴.

Имперское правление на западных окраинах было значительно дестабилизировано введением военного положения. Передача местной административной

¹ В действительности его ожидания в отношении национального сепаратизма оказались слишком пессимистичными: ни польского, ни финского восстания не произошло.

² Концепт «малоросс» оставался доминирующей идентификацией местного населения на территории современной Украины вплоть до Первой мировой войны. См.: Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. Малоросс. // Понятия о России: к исторической семантике имперского периода / под ред. А. Миллера и соавт. / вып. 2. Москва: НЛО, 2012. С. 392–443.

³ См. подробнее в книге: Miller A. The Romanov Empire and the Russian Nation // Nationalizing Empire / eds. Stefan Berger, Alexei Miller. Budapest — New York: CEU Press, 2015. P. 309–368.

⁴ См.: Sanborn J. A. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003; он же: The Mobilization of 1914 and the Question of the Russian Nation: A Reexamination // *Slavic Review* 59. No. 2 (2000). P. 267–289.

власти военной администрации осуществлялась далеко не эффективно и гладко (Graf, 1974: 390-411). Гражданские и военные власти немедленно оказались вовлечены во всевозможные конфликты.

Однако настоящая беда началась с катастрофической летней кампании 1915 г., когда немцам после успеха Горлицкого прорыва удалось переместить линию фронта на несколько сотен километров на восток (DiNardo, 2010). Это имело многочисленные негативные последствия. Московская толпа немедленно отреагировала трехдневным погромом и разграблением собственности тех, кого считали немцами. В течение двух дней власти не предпринимали никаких решительных действий, что привело к беспорядкам и параличу правительства от западных пограничных областей до центра империи¹.

Отступление русской армии способствовало возникновению огромной волны беженцев. В общей сложности насчитывалось более шести миллионов беженцев, отсюда название влиятельной книги Питера Гатрелла «A Whole Empire Walking» (Gatrell, 1999). Беженцы стали еще одним бременем для внутренних губерний, в которых жители мелких провинциальных городов зачастую впервые сталкивались с этническим многообразием империи. Те социальные структуры, которые по этническому признаку были организованы для помощи населению, постепенно трансформировались в сети национальных движений.

Если мы расширим наше понимание массового переселения, включив в него миллионы мобилизованных солдат, внезапно вырванных из привычных условий жизни, в основном из крестьянских общин, то станет ясно: вынужденное перемещение стало одним из решающих факторов, способствовавших социальным беспорядкам, ожесточению миллионов вооруженных мужчин и мобилизации по этнической принадлежности².

Во время отступления 1915 г. русская армия понесла большие потери за счет военнопленных. В целом к концу 1915 г. почти три миллиона российских офицеров и солдат попали в плен³. Как российская сторона, так и центрально-европейские державы занимались политической работой в лагерях для военнопленных, направленной на изменение верноподданнических настроений и идентичности заключенных. Немцы и австрийцы уделяли особое внимание организации

¹ См.: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during the World War I. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. С другой стороны линии фронта немедленные репрессии были направлены против русинов в Галиции. См.: Leidiger H. et al. Habsburgs Schmutziger Krieg. Ermittlungen zur österreichisch-ungarischen Kriegsführung, 1914–1918. St Pölten, Residenz Verlag, 2014.

² См. подробнее: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during the World War I. Указ. изд.

³ См.: Sanborn J. A. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // Journal of Modern History, 77. No. 2 (2005). P. 290–324. См. также: Hagen M. von. The Great War and the Mobilization of Ethnicity, in Post-Soviet Political Order: Conflict and State-Building / ed. B. R. Rubin and J. Snyder. London: Routledge, 1998. P. 34–57.

специальных отдельных лагерей для украинских военнопленных, где с ними работали немецкие власти и украинские националисты, постепенно формируя их идентичность как украинскую и враждебную России¹. К 1916 г. немцы организовали украинские подразделения из 40 тысяч человек, укомплектованные военнопленными. Немцы предоставили им форму, но не оружие.

На оккупированных территориях немецкая оккупационная администрация (Ober Ost) запрещала русский язык в официальном обращении и поддерживала местные языки, делая их официальными языками управления. Государственные служащие Обер-Оста составили атлас расселения народов западной России, который, как они утверждали, демонстрировал, что «государственное устройство, которое до войны считалось единой Великой Российской империей, в значительной степени сформировано из территорий независимых этносов, которые не ближе к москвитам, чем к нам» (Liulevicius, 2000: 117).

Немцы стремились подорвать влияние России на белорусов, хотя сначала они с удивлением обнаружили само существование белорусского народа и поразились тому, насколько якобы слабо развиты белорусская культура и чувство национальной идентичности. Однако вскоре оккупационные власти пришли к выводу, что это предоставляет им возможность влиять на процесс самоидентификации местного населения как отдельного от поляков и русских народа. В 1916 г. Э. Людендорф издал специальную директиву о поддержке белорусской идентичности посредством культурной политики (Liulevicius, 2000: 121). В целом немцы пытались играть роль наставников и лидеров местных народов в Обер-Осте. Как показывает Веяс Люлевичюс, «культурная политика фактически была национальной политикой военного государства, встраивающей местные культуры в навязанные сверху немецкие учреждения: прессу, школы и рабочие помещения. Немецкое понятие “образование” (Bildung) воспринималось в его буквальном значении “формирования”. Один из представителей политического отдела заявил: “Мы здесь только для того, чтобы нести Bildung”» (Liulevicius, 2000: 122). Более того, «культурная программа Обер-Оста <...> определяла место и этническую сущность людей по их деятельности, фиксируя национальную идентичность <...> Немецкая национальная идентичность была также определена, представлена в своей сущности как образец» (Liulevicius, 2000: 143–144). Деятельность немецкой оккупационной администрации на западных окраинах Российской империи была аспектом нового немецкого геополитического видения этого пространства как части Mitteleuropa (Срединной Европы), в которой Германия была бы доминирующим центром. Местные активисты теперь пыта-

¹ Н. Н. Головин («Военные усилия России в мировой войне» / В 2 т. Париж, 1939) писал о почти 3,5 миллиона русских военнопленных. Оценка Головина самая высокая, но альтернативные оценки дают цифры от 2 до 3 миллионов. См.: Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М.: Центральное статистическое управление СССР, военно-статистический отдел, 1925.

лись приспособить свое видение будущего к формирующейся геополитической реальности, представляя себе место для своих групп в Восточной Европе под господством Германии¹. Эта история стала первым звоночком, намекающим, что возможный выход из-под контроля Санкт-Петербурга может означать для большинства этнических групп лишь установление новых отношений имперской зависимости, только с другим центром.

У Вены были свои планы на Украину, которые еще предстоит тщательно проанализировать². Сразу после начала войны правительство Австрии создало первую украинскую военную группировку из украинцев Галиции. 3 сентября 1914 г. легион украинских сечевых стрелков (українські січові стрільці) присягнул на верность Австро-Венгрии. В 1915 г. члены украинских сечевых стрелков были переведены в русскую Украину. Среди прочего, они открыли школы с молодыми образованными учительницами, набранными из Галиции.

Поражение 1915 г. спровоцировало кризис элит, оказавшийся крайне важным фактором крушения империи. Немецкие корни династии постепенно становились острой проблемой в глазах общественности. Особенно непопулярной была жена Николая II, Александра Федоровна, из дома Гессен-Дармштадтских. Ее покровительство Распутину лишь усилило вражду не только внутри общества, но и среди элиты, и даже в самой правящей семье. Все попытки убедить царя отослать царицу из столицы были тщетными.

Поразительно, что к 1916 г. практически вся правящая семья, включая всех великих князей, выступала за отречение царя Николая II. Почти все командиры боевых фронтов также рассматривали отречение в качестве последнего средства для наращивания военных достижений³. Трудно судить, какая часть среди высших эшелонов российской имперской элиты видела в отречении начало республики. Но, вне всякого сомнения, подавляющее большинство проявляло безразличие к необходимости установления немедленной преемственности. Монархия — центральный элемент политической архитектуры империи — все еще обладала привлекательностью для широких народных масс, особенно для низших слоев в центре и на периферии страны. Однако что бы кто-либо ни думал о будущем монархии, инициаторы отречения были настолько наивны, что не видели в институте монархии важного инструмента улаживания кризиса.

¹ См.: *Kuraev O.* Der Verband 'Freie Ukraine' im Kontext der deutschen Ukraine-Politik des Ersten Weltkriegs // *Mitteilungen*. No 35. Munich: Osteuropa-Institut, 2000; *Miller A.* A Testament of the All-Russian Idea: Foreign Ministry Memoranda to the Imperial, Provisional and Bolshevik Governments // *Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of Alfred Rieber* / ed. Marsha Seifert. Budapest: CEU Press, 2003.

² Например, вскоре литовские политики предложили пригласить немецкого князя стать королем Литвы. См. подробнее в книге: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* Западные окраины Российской империи. Москва, НЛО, 2006.

³ *Snyder T.* The Red Prince: The Secret Lives of a Habsburg Archduke. New York: Basic Books, 2008. Снайдер рассказывает о Вильгельме фон Габсбурге и о его планах стать королем Украины.

Решительная смена лояльности периферийных националистических элит произошла только после большевистского переворота осенью 1917 г., когда легитимный центр Российской империи прекратил существовать. К этому времени в Петрограде даже те русские, которые не поддерживали большевиков, начали возлагать надежды на немецкую оккупацию города.

К 1918 г. пространство разрушенной империи сокращалось в хаосе Гражданской войны, а точнее, многочисленных гражданских войн. Красные, контролировавшие центральные губернии, боролись с базирующимися на периферии всевозможными белыми, от монархистов до либералов и умеренных социалистов. Большинство крестьян вели собственные войны, пытаясь защитить свои регионы как от красных, так и от белых. Некоторые из крестьянских движений приняли националистическую окраску, другие — как знаменитый анархист Нестор Махно и его армия — не приняли.

В приграничных районах местные национальные силы отчаянно пытались отойти как можно дальше от большевистского центра, иногда создавая коалиции с белыми, но чаще сражаясь с ними, а также со своими соседями, с которыми им приходилось мериться силой в попытках установить контроль над спорными территориями, формируя противоречащие друг другу образы национальной территории. Несколько периферийных районов на юге и севере были оккупированы в 1918–1919 гг. британскими, французскими и американскими войсками. На Кавказе и на западных окраинах периферийные национальные элиты вскоре вступили в междоусобные конфликты, пытаясь разграничить новые национализирующиеся государства в тех районах, которые десятилетиями жили в системе губерний, не построенных по этническому принципу.

Поскольку Красная армия (как и ЧК, или политическая полиция, действовавшая главным образом через террор) вошла в периферийные районы бывшей империи на заключительных этапах Гражданской войны, она в первую очередь охотилась на белых и, шире, — на «классовых врагов», иными словами, представителей дореволюционного русского национализма, которых большевики считали своими главными врагами (Vujacic, 2007: 156–183). К тому времени многие из местного населения были готовы принять большевиков в надежде, что они положат конец продолжающимся вражде и беспорядкам.

Только двум новым государствам, Финляндии и Польше, удалось провести успешную войну против большевиков и подавить коммунистов внутри своих стран. Три новых прибалтийских государства оказались слишком слабы, чтобы защитить себя от большевиков, но британское покровительство спасло Литву, Латвию и Эстонию от советского завоевания.

В результате победы большевиков российский центр постимперского пространства утратил легитимность не только в глазах многих периферийных субъ-

ектов, изначально лояльных к империи, но и в глазах большинства прежних элит, ощущавших себя частью русской нации (Lincoln, 1989). Эти элиты полностью утратили свой социально-экономический статус и понесли огромные численные потери в результате войны, красного террора и эмиграции.

1918: Крушение Германии и возникновение Советов и Польши

Какая страна выиграет войну и как договориться с Германией о новом статусе в рамках гегемонии Германии в Восточной Европе — вот основные вопросы, стоявшие перед политическими активистами национальных окраин в период между Октябрьской революцией и 1918 годом. Когда стало очевидно, что Германия тоже потерпит поражение, лидеры национальных движений быстро переметнулись к Антанте. В отличие от России и Германии, Антанта не могла напрямую контролировать Восточную Европу. Однако лидеры Антанты не спешили оправдывать ожидания пограничных националистов, поскольку рассчитывали на падение большевиков, отстранение их от власти и восстановление России. Следовательно, в 1918 г. конфликты на этих территориях постепенно превратились в серию гражданских войн, основанных на классовой или этнической принадлежности, часто между различными военизированными формированиями на отдельных территориях, которые они считали своим законным этническим достоянием (Львов, Вильнюс). То же самое относится и к Киеву, который переходил из рук в руки 14 раз во время великой войны и революции; в 1918–1919 гг. часто именно различные украинские военные формирования захватывали город. Опыт слабых и нестабильных государств в западной и центральной частях Украины (от гетманского государства Скоропадского и директории Петлюры до Западноукраинской Народной Республики) показывает, что мобилизационный и организационный потенциал украинского национализма был довольно ограничен.

На Кавказе политическое руководство Грузии и Армении в ходе переговоров с османами провозгласило лояльность петроградскому Временному правительству спустя много месяцев после падения этого правительства. Регион подвергся османскому вторжению, этническим расправам, войнам за установление границ между вновь учреждаемыми государствами и массовому перемещению населения; потерял примерно треть своих жителей к 1920–1921 гг., когда большевистская армия захватила регион¹.

Та же картина социально-экономической катастрофы как главная особенность на этом этапе деколонизации наблюдается почти на всех перифериях империи. Ситуация, когда империя уходит со своих периферийных территорий вследствие

¹ См.: Никонов В. А. Крушение России. 1917. М.: АСТ; Астрель, 2011. Противоречивая во многих отношениях, эта книга, однако, предоставляет хорошо документированное описание кризиса элиты.

коллапса центра, а не в результате антиимперских движений, была весьма далека по последствиям от триумфа нового политического принципа национального государства, который фактически сформировался только в 1918 г., когда все действующие лица — немцы, В. Вильсон, Ленин — начали говорить о национальном самоопределении и национальной государственности.

Заключение

Существует две исторические школы, предложившие две модели осмысления гибели Российской империи. Первая утверждает, что кризис империи, который так резко проявился во время революции 1905 г., только углублялся со временем, что социальная напряженность и периферийный национализм нарастали, и эти проблемы никоим образом не могли быть решены. Таким образом, Первая мировая война стала последней чертой, приведшей империю к закономерному финалу.

Вторая школа (к которой принадлежит автор) признает тот факт, что Россия оказалась в серьезном кризисе. Однако противоречия, конфликты и ограничения последнего предреволюционного десятилетия не были непреодолимыми. Периферийный национализм не возростал до 1914 г., а крестьянство и деревня в целом менялись благодаря столыпинской реформе. Политическая система не была вполне инклюзивной. Фактически она стала более ограничительной в 1907 г., хотя все еще предполагала некоторое пространство для легальной деятельности даже периферийных националистических политиков. С другой стороны, русский национализм набирал силу среди малороссов и белорусов, подтверждая тем самым, что триединый проект российского государственного строительства успешно развивался. Проблемы были серьезными, а политические деятели не всегда оказывались готовы к поставленным задачам, но кризис все еще не приобретал фатальный характер. Фактически многие в то время видели в будущем XX в. две огромные материковые империи (США и Россию) в качестве империй-гегемонов.

С этой точки зрения великая война становится решающим событием, резко изменившим состояние империи и приведшим к ее краху и революции. Изначально военный национализм¹ работал в основном на консолидацию и политическую мобилизацию в рамках лояльности к империи. Империя все еще функционировала в 1916 г. и имела шансы выйти из войны победительницей.

Тем не менее, начиная с поражения 1915 г., империя столкнулась с нарастающими проблемами. Разрушение Российской империи произошло в первую очередь в центре, так как она была предана собственной элитой, организовавшей

¹ См.: *Suny R. G. The making of the Georgian nation. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1989.* Он же: *Looking toward Ararat: Armenia in modern history. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1993.* *Saparov A. From conflict to autonomy in the Caucasus: the Soviet Union and the making of Abkhazia, South Ossetia and Nagorno Karabakh. New York: Routledge, 2014.*

отречение царя таким образом, что это привело к краху самого института монархии. Помимо факторов, упомянутых в этом разделе, в ходе войны образовалась масса солдат, и когда они дезертировали с фронта или были демобилизованы, то принесли насилие с полей сражений внутрь империи. Они стали главным двигателем мародерства, погромов и разрушений, царивших на пространстве бывшей империи в 1918–1919 гг. (Буддаков, 1997). Беспрецедентные волны насилия еще больше обострили ситуацию социального коллапса, вызванного крахом государства, за которым вскоре последовало разрушение местных органов власти и социальных структур.

Пьер Паскаль, французский эмиссар в России в 1917 г., однажды говорил с офицером, признавшимся, что чувствует себя не русским, а кавказцем. Паскаль отметил в дневнике: «Они больше не хотят быть русскими, мне знакомы эти печальные слова» (Паскаль, 2014: 372).

Тот факт, что всего в течение пяти лет после распада империи Романовых большая часть ее пространства была вновь консолидирована новой силой, появившейся в центре бывшей империи, показывает, что потенциал для создания империи в регионе был далеко не исчерпан.

Coda

Дискуссия о наличии преемственности или разрыва между поздней империей Романовых и ранним Советским Союзом продолжается уже много десятилетий. Вероятно, наиболее проработанная демонстрация новизны советской политической формации по сравнению с империей Романовых была представлена Терри Мартином (Martin, 2001). Он писал о позитивной дискриминации нерусского населения во время кампании коренизации в 1920-е гг., о продвижении антиколониального дискурса и критике великорусского шовинизма.

Но к его аргументации можно добавить еще кое-что. Отвергнув и подавив русский национализм как враждебную силу и идеологию, большевики последовали совершенно иному проекту политической консолидации пространства бывшей империи Романовых (Vujacic, 2007: 156–183). В период с 1917-го до начала 1920-х гг. большевики полностью разрушили экономическую базу тех социальных слоев, которые в наибольшей степени были связаны с русским национализмом и империей. Дворянство, православное духовенство, предпринимательская элита и казачество были уничтожены красным террором, Гражданской войной и эмиграцией. Советская национальная политика институционализовала этничность как ключевой фактор индивидуальной идентификации. Концепция триединой русской нации, в проекте включающей великороссов, малороссов и белорусов, была отвергнута советской властью, а украинские и белорусские идентичности поощрялись как национально-обособленные. Общерусская версия нацио-

нальной идентичности — ключевой элемент русского национализма в течение имперского периода — с падением Российской империи осталась без основы и лидеров. Советская перепись населения в 1926 г. сделала термин «малоросс» незаконным, оставив в качестве термина для идентификации только «украинец». Термины «русский» и «великорусский» стали синонимами.

Многие достижения политики русификации в приграничных районах были дезавуированы сначала во время распада империи, а затем в ходе развития советского проекта территориализации по этнической принадлежности¹ и коренизации². Русские чиновники и духовенство покинули большинство приграничных регионов во время войны. В 1920-х гг. во многих регионах Кавказа, степи и Центральной Азии русские сельскохозяйственные поселения были объявлены нежелательными, и многие переселенцы вернулись в Центральную Россию. Казаки, выполнявшие роль вооруженного авангарда движения поселений, подвергались жестоким репрессиям как враги советской власти, которыми на самом деле являлись большинство из них.

«Правильная» этническая принадлежность стала большим карьерным активом в новых национальных республиках (Slezkine, 1994: 414–452). Ликвидация неграмотности осуществлялась в 1920-х гг. на местных языках. Несколько десятков языков, традиционно использовавших кириллицу, были переведены на латиницу (Cadiot, Arel, Zakharova, 2010).

Новое государство, возникшее на руинах Российской империи, стало совершенно иным имперским проектом. Набравший силу в 1917 г., он был основан на новой антикапиталистической идеологии и провозглашал принцип национального самоопределения. Пространство новой империи было структурировано как конгломерат национальных пространств союзных и автономных республик. Деколонизация периода 1915–1921 гг. была заменена новой моделью имперского господства с упором на промышленное развитие и миграцию русского пролетариата в периферийные городские центры. Национальные культуры развивались под покровительством и контролем московского коммунистического центра, который вскоре начал использовать чрезвычайно жестокие средства контроля за лояльностью периферийных элит. Как ни парадоксально, но новый имперский проект позволил более мирно распустить империю в 1991 г. Однако постсоветская деколонизация все еще не завершена, и элементы деколонизации со временем становятся еще более очевидными в некоторых странах бывшего Советского Союза: создание слабых государств, постоянные гражданские и этнические конфликты, цивилизационный регресс и демографический спад.

¹ См.: Lohr E. War Nationalism // Lohr E., Tolz V., Semyonov A., Hagen M., von (Eds.) *The Empire and Nationalism at War*. Bloomington, IN: Slavica, 2014. P. 91–108.

² Robert Kaiser, *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.

Литература

- Булдаков В. П. (1997). Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН.
- Котов Б. С., Иванов А. А. (2014). Записка П. Н. Дурново / Публикация и комм. // Свет и тени великой войны. Первая мировая война в документах эпохи. Москва: РОССПЭН.
- Паскаль П. (2014). Русский дневник. Екатеринбург: Гонзо.
- Brandenberger D., Zelenov M. V. Stalin's Answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // *Slavic Review* 73. No. 4 (2014). P. 859–880.
- Cadiot J., Arel D., Zakharova L. (eds.) (2010). Cacophonies d'empire. Le gouvernement des langues dans l'Empire russe et l'Union soviétique. Paris: CNRS Editions.
- DiNardo Richard L. (2010). Breakthrough: the Gorlice-Tarnow Campaign, 1915. Santa Barbara: Praeger.
- Gatrell P. W. (1999). A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during the First World War. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Graf D. W. (1974). Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917: The Political Ramifications // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 22. No3. P. 390–411.
- Kaiser R. (1994). The Geography of Nationalism in Russia and the USSR // Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lincoln W. B. (1989). Red Victory: A History of the Russian Civil War // New York: Simon and Schuster.
- Liulevicius V. (2000). War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lohr E. (2001). The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // *Russian Review* 60: 404–419.
- Martin T. (2001). The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939 // Ithaca, Cornell University Press.
- Miller A. (2007). The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / ed. K. Matsuzato. Hokkaido: SCR. P. 11–30.
- Naumann F. (1915). Mitteleuropa. Berlin: Reimer.
- Rieber A. (2014). The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War. Cambridge, Cambridge University Press.
- Slezkine Y. (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review* 53. No. 2. P. 414–452.

References

- Buldakov V. P.* (1997). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya*. M.: ROSSPEHN.
- Kotov B. S., Ivanov A. A.* (2014). *Zapiska P. N. Durnovo / Publikaciya i komm.* // *Svet i teni velikoj vojny. Pervaya mirovaya vojna v dokumentah ehpoi*. Moskva: ROSSPEHN.
- Paskal' P.* (2014). *Russkij dnevnik*. Ekaterinburg: Gonzo.
- Brandenberger D., Zelenov M. V.* Stalin's Answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // *Slavic Review* 73. No. 4 (2014). P. 859–880.
- Cadiot J., Arel D., Zakharova L.* (eds.) (2010). *Cacophonies d'empire. Le gouvernement des langues dans l'Empire russe et l'Union sovietique*. Paris: CNRS Editions.
- DiNardo Richard L.* (2010). *Breakthrough: the Gorlice-Tarnow Campaign, 1915*. Santa Barbara: Praeger.
- Gatrell P. W.* (1999). *A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during the First World War*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Graf D. W.* (1974). *Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917: The Political Ramifications* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 22. No3. P. 390–411.
- Kaiser R.* (1994). *The Geography of Nationalism in Russia and the USSR* // Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Lincoln W. B.* (1989). *Red Victory: A History of the Russian Civil War* // New York: Simon and Schuster.
- Liulevicius V.* (2000). *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lohr E.* (2001). *The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I* // *Russian Review* 60: 404–419.
- Martin T.* (2001). *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* // Ithaca, Cornell University Press.
- Miller A.* (2007). *The Value and the Limits of a Comparative Approach to the History of Contiguous Empires on the European Periphery* // *Imperiology: From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire* / ed. K. Matsuzato. Hokkaido: SCR. P. 11–30.
- Naumann F.* (1915). *Mitteleuropa*. Berlin: Reimer.
- Rieber A.* (2014). *The Struggle for the Eurasian Borderlands: From the Rise of Early Modern Empires to the End of the First World War*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Slezkine Y.* (1994). *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism* // *Slavic Review* 53. No. 2. P. 414–452.